

АЛЕКСАНДР НЕСТРУГИН

“ПО ЛУГОВОЙ ТРОПИНКЕ ВДОЛЬ МЛЕЧНОГО ПУТИ...”

О книге Николая Алешкова “Причастие”

Выпущенная Татарским книжным издательством к 75-летию автора книга стихов Н. Алешкова “Причастие” имеет подзаголовок: “Избранная лирика”. Аннотация уточняет, что в книгу вошли стихотворения, написанные в первые двадцать лет XXI века. Итак, это избранное поэта, вступившего в новый век — и в диалог, и в непростой спор с ним — уже человеком зрелым, перешагнувшим свой полувековой рубеж.

Человеком — каким? Усталым, злым, сломленным, разуверившимся во всём? Ведь мир, в котором родился Николай Алешков, в котором он состоялся как поэт, рухнул, не “достояв” целого десятилетия до конца “своего” века. А он казался таким прочным, победительно-несокрушимым. Его не смогла разрушить даже страшная война. А теперь? Что произошло теперь — со страной, с нами всеми, с автором этой книги?

Поэт — частица доли народной, его извечной нелёгкой судьбы. А народ, как ни гнули его окаймные “перестроечно-рыночные” времена, выстоял. И поэт, ровесник Победы, выстоял вместе с ним. Что помогло ему в этом, что дало силы? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте откроем книгу. И мы увидим, что с первых страниц на нас смотрит широко открытыми глазами деревенское детство — трудное, не сытое, но такое счастливое!

“Луга за Камой. Полночь. Блеск зарниц...” — одна строка-мазок — и мне, читателю, столько знакомого видится-откликается в этом коротком заречном взблеске. Будто услышал вдруг чей-то дальний зов, дорогой чей-то оклик...

*Озёра плавятся в закате.
И запах трав, и вкус ухи!
Растут из этой благодати
Мои негромкие стихи.*

Казалось бы — идиллия полная. А это — из стихотворения о рано познавшем труд послевоенном детстве, о колхозе, где автору в 12 лет бригадир “доверил” кнут и должность подпаска. И — “благодать”, и — затаённо-тёплое чувство причастности к важному и нужному общему делу, благодарность за то, что всё это в жизни было:

*Вот по лугам вечерним кони
Бредут чуть слышно. И верхом,*

*Небрежно повод сжав в ладони,
Я восседаю на Лихом.*

Начало биографии. И – начало поэзии. Поэзии как постижения не только своей “луговой тропинки”, но и народной судьбы, которую не надо специально изучать, потому как она – здесь, рядом с тобой. Как этот собравший всю деревню после сенокоса сельский престольный праздник, где и радость, и память, и боль – общие, роднящие людей, дающие жизни воздух и смысл:

*Небо в глазах опрокинется навзничь.
Воздух июньской полынью горчит.
И одноногий Максим Афанасьич:
— Мы победили! — сквозь слёзы кричит...
 (“Только услышу — гармонь заиграла...”)*

Концовка этого стихотворения, посвящённого памяти брата Саши, – казалась бы, узко-биографического, личного, – звучит как молитвенно-исповедальный, рвущий сердце реквием эпохе – и стране, которую мы потеряли:

*Сплет пшеница. Луга покосили.
И нагулялись. Пора и домой!
Как же охота вернуться в Россию
Послевоенную, Боже ты мой!*

Потом, после детства, много случилось всякого: тревожащие сердце дальние дороги, города, Литинститут, жизнь столичная, хмелем надежд и дружеских посиделок не на шутку закружившая голову... И была дорога обратная, в родные места – к себе, к изначальному слову. И очень естественным кажется это раздумье: “Может быть, не случаен // Предначертанный круг...”. Во всяком случае, поэт ни о чём не жалеет:

*Я не знаю об этом,
Но у всех на виду
Деревенским поэтом
По Отчизне иду.*

“Деревенским поэтом” – это не поза, не ряженный под архаику эпатаж, а правда. И тихое мужество: не следуя за куражным, помешавшимся на “цифре” урбанистическим веком, остаться там, где истоки жизни, судьбы, увиденного, как в полон, в иную реальность Отечества. Это осознание – “деревенский” – ничуть не мешает Николаю Алешкову видеть не только поля и поймы родного Прикамья, но и главные смыслы творчества. В стихотворении, посвящённом памяти Леонида Остапенко, это явлено естественно и ёмко:

*Жили, стихи и картины творили,
Женщин любили и пили вино.
Мало о вечном с тобой говорили,
Но через нас говорило оно.*

Именно так оно и говорит – “через нас”, без ложного пафоса, обыденно и негромко, только мы в молодой горячке, в творческой своей гордыне не сразу (и не все) это понимаем...

В поэзии Н. Алешкова немало таких строк, глубоких и мудрых. Когда речь идёт о главном, его лирика не чурается высокого “державного” строя, который так не по нраву расплодившейся нынче на ниве отечественной словесности, как головня на оставшемся без хозяйского пригляда пшеничном поле, всякого рода антипатриотической плесени:

*Наши отцы заплатили сполна –
Заживо в танках сгорали.
Родина, значит, на то и дана,
Чтоб за неё умирали.*

Не прячется поэт и от вывихнувшей ум “злобы дня”, пытающейся, что называется, запудрить нам мозги рядящимися в одежды непреложных гуманистических истин словесами:

*Всё понимаю, кроме одного.
Витии, объясните всё же, что есть
Свобода совести? Скажите, от чего
Освободить хотите нашу совесть?*

И в строках Н. Алешкова о роли поэта в современном обществе, об отношении властей предержавших к нему не личная обида сквозит, а печаль, умеющая говорить ясным языком высоких обобщений.

Каждый настоящий поэт – это не только неповторимый, ни на кого не похожий голос, но и путь. Свой путь Николай Алешков искал трудно, оступаясь и клонясь, но выбрал – навсегда.

*Прильнут к ногам травинки,
И мне легко идти
По луговой тропинке
Вдоль Млечного пути.*

Холодному, нудному уму трудно такое представить, а вот сердце, бесстрашное и ранимое, всю жизнь рвущееся к горнему и страшящееся его, всё понимает и откликается горячими чёткими толчками. ... Ведь и там, на поэтических своих высотах Н. Алешков остаётся земным, понятным, близким нам человеком:

*Последнее тревожное тепло.
Душе созвучна мука листопада.
Как будто душу музыкой свело
И ничего разгадывать не надо.*

Это “тревожное тепло”, разлитое по страницам книги, согревая и утешая нас, помогает о многом задуматься – и многое увидеть, почувствовать... И вовсе не поэтической “красивостью” кажется мне это признание:

*Люблю это мокрое поле
И эту туманную взвесь.
Была бы на то моя воля —
И душу оставил бы здесь.*

Я думаю, что она и останется здесь, душа русского поэта Николая Алешкова: в этих чутких, честных, оплаченных судьбой строках, в мокрых полях и туманах, в согревающей взгляд звёздной млечности, что обязательно проступит сквозь пригнутые тяжёлой взвесью печалей и скорбей облетевшие ветки наших надежд – какое бы тёмное, горькое, позднее время нам ни выпало.